

Алексей Комлев

Глаза надежды

повесть

Алексей Комлев

Глаза надежды

«Издательские решения»

Комлев А.

Глаза надежды / А. Комлев — «Издательские решения»,

Грустная история о том, как мопсы в большом городе искали своего хозяина.
В этом им помогали самые разные живые существа.

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Глаза надежды
повесть
Алексей Комлев

© Алексей Комлев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

– А полетели вместе. – Предложил Сизарик, глядя, как подкравшийся из кустов кот Васька изогнулся к прыжку.

– Куда? – Зевая переспросил Варкуша, одним глазом всё же контролируя ситуация в кустах.

– В столицу нашей Родины, город-герой Москва.

– Что?..

– В столицу нашей родины, город-герой...

Взлетели. И каждый полетел в свою сторону.

В столицу нашей Родины... – Думал про себя Варкуша, приближаясь к мусорному контейнеру. – Мне и моя малая Родина по душе, а Москва? Что Москва? Большая помойка и всё.

Приземлившись и оглядевшись вокруг он, прежде, чем начать клевать неизвестно кем накрошенный хлеб, всё же подумал про своего друга: Да хранит тебя Господь, Сизарик...

* * *

Декабрьские ночи таинственны. Это особенно чувствуется, когда глядишь на крыши пролетающих мимо ночных поездов. Сдуваемый скоростью снежок и серый дым от титана. Вокруг никого. Снаружи холод, мороз, а внутри тепло и уют. Впереди много часов пути. Впереди много неизвестного, таинственного. Мысли. Для большинства они теперь опережают дорогу. Но не для всех.

Алексей зашёл в вагон. Приятно хлопнула дверь. «Зачем выпускать тепло, – подумал он. – Я бы погладил этот титан, который не даст нам пропасть в пути, который предупредительно заботливо растоплен проводником. Но он горяч и руки не протянешь».

Плацкарт, второе купе, верхняя полка по направлению движения. Вся жизнь на колёсах? Нет, но ездить приходится часто. Ты здесь, а родители там. До них пять часов.

Отправляясь в ночь, Алексей никогда не дожидался отправления поезда, а сразу же укладывался на верхнюю полку и погружался в небытие. В этот раз он замедлил. Удивительно – вагон пуст. Однажды ему уже приходилось ехать в пустом вагоне, но это было очень давно, более двадцати лет назад. Он закончил третий курс военного училища и поспешил на родину. Все пути на родину проходили через столицу. А в тот год въезд в неё был ограничен из-за какого-то фестиваля. Не то «Дружбы народов», не то «Мир во всём мире». Через пять лет не будет никакой дружбы, не останется и мира. Но речь сейчас не об этом. Просто он вспомнил, как ехал один в пустом вагоне с той лишь разницей, что тогда было лето, а сейчас зима. И ещё, правда, тогда была немножечко другая страна.

Поезд тронулся, но Алексей не прилёт. Как-то таинственно – одному ехать в пустом вагоне, да ещё декабрьской ночью. Он сел поглубже и прислонился к стенке. «Скоро пропадут огни Москвы и быть может я лягу, когда проводник возьмёт билет».

Он хотел закрыть глаза и уже откинул и голову назад, как вдруг к нему подошёл старичёк. Возможно, он зашёл раньше и его место было где-то там, дальше. И он также удивился пустому вагону. И он также не захотел ехать один. Алексей почему-то не хотел спать, и старичок, по видимому, тоже. Чтож, можно ехать и вместе.

Этот старичок сел не на против а рядышком, так же по ходу движения. Вот и проводник. Добрая женщина удивилась, что никто не удивился и не спросил, почему вагон пустой? Поэтому и она посчитала не скромным спросить, почему вы не удивляетесь, но ласково взяла билеты.

Постель из этих двоих пассажиров никто не взял. Алексей ехал до Муром, старичок до Арзамаса. Отказались и от предложенного чая.

– Путешествуете? – ласково поинтересовался старичок.

– Отправляюсь за реку, – недвусмысленно ответил Алексей, продолжая искоса смотреть в окно.

Город Муром стоит на высоком левом берегу реки Оки. В тёплое время года по наплавному мосту можно перебраться на правый берег и любоваться панорамой. Весною перебраться можно на пароме, а зимою пешком прямо по льду. В последний раз на лыжах Алексей перебирался на противоположную сторону реки, когда учился ещё в восьмом классе. Более не довелось, но и нужды особой не было. Она появилась теперь, когда ему исполнилось ровно сорок лет. На родину, в Муром, за реку, в морозную зимнюю ночь его погнала тоска. Просто хотелось перебраться на другую сторону реки и стоять там посреди заснеженных лугов. Стоять и смотреть на пасмурный и унылый силуэт города. Другим он и не мог быть.

Старичок не переспросил, не уточнил. Казалось, он понял. Да, он понял всё и без лишних объяснений.

«У меня ведь тоже была собачка, – сказал он задумчиво, – но в детстве. Я подрастал, а она старела. И вот я вырос, а её не стало. С тех пор не могу никого завести, хотя сам живу в деревянном домике. Я вас понимаю, молодой человек. Но что поделаешь, надо жить».

Алексей ничуть не удивился тому, что сейчас сказал старичок. Разве в пустом вагоне, который уносит их в неизвестность, можно чему-нибудь удивляться?! Своим молчанием он показал готовность слушать и дальше, ибо нуждался прежде в утешении, а не в том, чтобы выговориться самому.

«Господь не случайно создал этих собачек. Он выбрал их из огромного уже созданного тварного мира и поставил на службу человеку. Не случайно, совсем не случайно, а как наиболее подходящее существо. Никто так не приручается, как эти собачки. Даже кошки и те, разве зависят всецело от нас? А собачке нужен прежде всего кто? Хозяин. Вот их сущность в этом и состоит. Каждой нужен свой хозяин. Свой, единственный».

«Правильно, – подумал про себя Сизарик, всё это время таившийся на третьей полке. – Правильно, дедушка, говоришь. И хотя сам я недоверчиво отношусь к этим четвероногим собачкам, но они куда как лучше четвероногих котов. Один только Васька чего стоит, противный. Да ещё вздумали себе человеческие имена брать!»

Алексей оторвал взгляд от окна и закрыл глаза. На противоположной лавочке перед ним сидели два мопса. Один мопс постарше, года два с половиной, а другой чуть подросший, но всё ещё щенок, месяцев семь от роду. Оба внимательно смотрели на него, прямо в глаза. Щенок, правда, то и дело отвлекался, переводя взгляд на сидящего рядом с Алексеем дедушку. Он хоть и важничал, старался казаться серьёзным, но по всему было видно, что ещё не определился. Да, не определился с хозяином. А старший мопс давно не нуждался ни в ком. Для него всё было определено ещё два года тому назад.

– Джесси? – удивился про себя Алексей.

Старший мопс, не сводя пристального взгляда с сидящего напротив него человека, чуть дрогнул закрученным в два кольца хвостом. Сизарик на ципочках подкрался к самому краешку полки и только одним глазиком остороженько посмотрел вниз. Мопс ждал, когда его узнают. Терпеливо ждал, более не подавая никаких признаков родства. И малый щенок тоже замер, наблюдая за матерью.

– А вот мои собачки, – представил их Алексей своему собеседнику. – Джесулька и Дарушка. Мама и дочка.

«Узнал», – тихо взвизгнула Джеська и хвост заработал, как часовой механизм.

«Узнал», – твякнула Дарушка и от радости куснула мать за ухом.

«Узнал», – вздохнул с облегчением Сизарик, и с удовольствием расправил затёкшие крылышки.

«Узнали своего хозяина, – ласково подумал про себя старичок, – узнали, родные мои».

* * *

Когда подъехали к Мурому, Алексей обнаружил, что вагон битком забит пассажирами. Была ещё ночь и все спали, за исключением нескольких человек, которые с вещами двинулись к тамбуру.

Не понимая, что с ним происходит, Алексей поспешно спустился со своей второй полки вниз, собрался и едва добежал до выхода.

– Вам же до Арзамаса! – удивлённо воскликнул проводник.

– Какой Арзамас?! Вот я!

Алексей прыгнул на заснеженный перрон не заметя, как над его головой выпорхнул Сизарик.

– А это что такое?! – во второй раз удивлённо воскликнул проводник, но ни кто ничего ему не мог объяснить.

Дверь пришлось спешно захлопнуть, чтобы мороз не принял командование в свои руки. Поезд со скрипом тронулся. Алексей перевёл дух и понемногу начал приходить в себя. Но тут к нему подбежал Эдик – молодой человек лет тридцати.

– Вижу, чуть не проспали, – сказал он весело. – А я вас давно караулю.

– Кто вы? – удивился Алексей.

– Фильм «Приключения Электроника» смотрели? Так вот, я – это не он.

Эдик засмеялся и, подтолкнув Алексея под локоть, предложил ускорить шаг, так как лёгкий морозец начинал уже пощипывать носы.

Этот Эдик был изобретатель. Его старший брат таинственным образом пропал много теперь уж лет назад, когда Эдик был ещё совсем подростком. Но только он знал, что произошло. Брат изобрёл машину времени и переместившись куда-то в прошлое, так и не вернулся. Об изобретении, которое сконструировано было тайно, знал только Эдик и он по-прежнему верил, что брат может вернуться, если не погибнет там в неизвестности. Шли годы, надежда таяла и в конце концов Эдик сказал: «Мы пойдём другим путём».

Своё изобретение он, естественно, держал в тайне.

– Странно, почему вы меня пригласили? – недоумевал Алексей.

– Ну вы же фотограф?!

– Я снимаю для себя, любитель.

– Любитель-краевед. Я видел ваши фотографии на одном из архитектурных сайтов.

– Ну и что же?!

– К сожалению, кроме вас никто больше не написал книги о фотографах. – Пояснил Эдик.

– Ах вот в чём дело! Но всё равно, зачем я вам понадобился?

– Когда, Алексей, вы ознакомитесь с моим изобретением, может быть скажете, что не вы, а я вам понадобился. Вы же краевед до мозга костей. Вам хочется знать, что где было давно?

– Естественно, это всегда интересно. – Не стал возражать Алексей.

– Ну а если материала не хватает, как тогда быть? Ни документов, ни фотографии, ни случайного рисунка...

Они шли по заснеженным улицам пустынного ночного города и всё говорили и говорили. Минут через сорок быстрого шага добрались. Едва скинув верхнюю одежду, Эдик тут же провёл Алексея в свой кабинет.

– Вот оно! – сказал он торжественно. – Не хочу называть это прибором; просто – очки времени.

Алексей смотрел без видимых признаков удивления. Эдик счёл нужным поведать краткую историю своего детища.

Идея не попасть в прошлое, а просто увидеть его без риска для жизни заслуживала внимания. Первые очки времени позволяли, надев их, видеть статичную картинку, например, городского ландшафта с той точки, где стоишь. Это оказалось неудобным – нужно было запоминать увиденное или сразу записывать. Занятие привлекало внимание не только ратозеев, но и крайне некультурных. Решено было вмонтировать в очки времени микрофотоаппарат, способной фиксировать картинку.

Сегодня Эдик испытывал уже четвертую модель, способную в цифровом виде фиксировать ландшафты целыми блоками, до ста фотографий. Следующим этапом должно было стать внедрением в очки времени цифровой теперь уже видеокамеры, но пока об этом рано было говорить.

– Суть изобретения в программе, над которой я работал пять лет. – Уточнил Эдик.

– И какой временной диапазон охватывают эти очки? – На полном серьёзе поинтересовался Алексей.

– Банально. Программа была написана на скачок ровно в сто лет. Это значит, что сейчас мы сможем увидеть 1903 год, а через месяц 1904-й. Дело будущего, написать другие программы, которые смогли бы свободно перемещать нас во времени.

– А можно мне ознакомиться с результатами съёмки?

– Конечно! Отгадайте с одного раза, какой сюрприз я вам приготовил?

Алексей задумался.

– Удивительно! – воскликнул Эдик. – Ну что бы вы хотели увидеть в первую очередь?!

– Собор, – коротко ответил Алексей.

– Именно это я вам и приготовил!

– Но как догадались?

– Ознакомился с некоторыми вашими стихами. Вы ведь в прошлом писали стихи?

– Да, было дело, – нехотя ответил Алексей. – Бросил, не сложилось.

– Ну а мне хватило лишь двух, чтобы понять, какой вы человек. Поэтому, прошу!

И Эдик, заранее включив компьютер, усадил Алексея перед самым экраном.

– Вы знаете, конечно, что по Собору имеется довольно много фактического материала того ещё времени. Но отличительной особенностью видовой фотосъёмки являлась западная и северная стороны. С южной стороны Собор был закрыт пышными кронами деревьев городского сада; даже зимой его никто ни разу не снял с той точки.

– Это верно, – подтвердил Алексей.

– Поэтому вам предоставляется почётнейшее право, – с подчёркнутой торжественностью произнёс Эдик, – почётнейшее право первому ознакомиться с работами начинающего фотографа Эдуарда Безфамильного. Прошу: видовые съёмки Богородице-Рождественского собора города Мурома 1902 года с южной и юго-восточной сторон!

От увиденного на экране компьютера, Алексей просто остолебенел. Фотографий было не много, всего полтора десятка, да и сняты они были в одно время. Но, Боже мой, какая это была прелесть!

Через некоторое время, придя в себя, когда новые виды вросли в сознание накрепко, Алексей, наконец, произнёс вполне логичную и очень ёмкую фразу:

– Можно мне самому попасть на место?

Нет, заподозрить Эдика в обмане он не мог и не хотел. Хотелось самому поприисутствовать, самому поиграться этими чудными очками. Поэтому, только начало светать, тут же и отправились.

Алексей не стал искушать судьбу и встал на тропинке Окского сада с таким расчётом, чтобы можно было поворачиваться в разные стороны.

– Вот пульт, – хладнокровно сказал Эдик. – Если что понравится, просто нажимайте вот эту кропочку. При этом руки вместе с пультиком могут оставаться в карманах.

Просто нажимая кнопочку, Алексей в течении пяти только минут израсходовал всю память цифровой камеры, встроенной в очки времени. Так он получил новые, никому из современников неизвестные зимние виды разрушенного в 1940-х годах городского собора в честь Рождества Пречистой Богородицы, храма Спаса Нерукотворного образа и колокольни, смотровой веранды на реку Оку и некоторые другие достопримечательности тогдашнего Городского сада. Удивляться было некогда. Более того, ему уже казалось, что очки времени, вещь совершенно обыденная и не хватает ей только одного – творческого подхода конкретного пользователя.

– А я вот думаю, – с улыбкой произнёс Эдик, – как подписать эти фотографии. Ведь время-то у них известное – начало прошлого века, а живу-то я когда?

– Действительно, – согласился Алексей, – об авторском праве на такие фотографии мы ещё не подумали.

– Но это дело будущего. В целом же, хороша машина?

– Без комментариев... – одобрительно кивнул Алексей.

– Перед нами раскрываются большие перспективы, – загадал Эдик.

– Нет, – неожиданно ответил Алексей, – лично передо мной никаких перспектив не раскрывается.

– Это ещё почему?.

– В последнее время я охладел к краеведению по неведомым для себя причинам.

– Не беда! – попытался ободрить соратника Эдик. – Вот увидишь, весною настроение само улучшится и приедешь недели на две, не меньше.

– Не приеду, – сухо ответил Алексей.

– Приедешь-приедешь!

– Жаль, что твоя программа берёт лишь на сто лет, – Алексей вернул Эдику очки и пульт.

– Да я уже думал, что пора писать на 150.

– Нет, Эдик, не на сто пятьдесят. Мне нужно всего на два года назад.

– Всего на два года... назад... – не понял Эдик. – Или мне послышалось? Почему на два года?

– Я не могу тебе сказать, – замялся Алексей, – не могу объяснить, понимаешь? Но всего на два года.

Сказав это и оставив гениального провинциального изобретателя в полном недоумении, он поспешил на вокзал. Вспорхнув с главки 54-метровой соборной колокольни, голубок Сизарик полетел за ним следом.

* * *

Через некоторое время Варкуша получил от своего друга короткое послание. Помозговав про себя, он решил огласить его на всеобщем дворово-птичьем собрании. Все птахи, от мала до велика, прилетели, но среди них оказалась одна, серая ворона, которая не желала участвовать в общих делах птичника, однако же на собрания являлась с тем, чтобы мутить воду и потешать сама себя. На сей раз дело оказалось серьёзным и её шутки не на шутку рассердили присутствующих.

– Ишь ты, весточку прислал! – потишалась серая ворона.

– А ты теперь лучше помолчи, – одёрнул её старый ворон, – послушаем, что Варкуша нам скажет.

– Да что он может сказать?! – продолжала насмехаться неугомонная. – О своём дружке-беглеце что-ли? Да мне на него ровным счётом накаркать.

Тут один из сизарей не выдержал:

– Теперь я понимаю, откуда такие берутся?

– Откуда же?! – съехидничала серая и, не дожидаясь объяснений, продолжила накалять страсти, ударяя Варкуше по живому. – Ишь ты, вздумалось ему почтовиком стать! Уж сидел бы лучше у контейнера и не высовывался, альбинос проклятый.

– Лети, лучше, по-добру по-здоровому, отсюда, серая! – предупредили из птичника, – А нам нечего здесь смуты вносить.

– Ладно, ладно! – завопила серая ворона. – Да вы все тут, помойщики, дальше своего контейнера и света белого не видели. А я независимая, где хочу, там и летаю, где хочу, там и пропитание себе сама беру.

– Ворюга ты, – раздалось из толпы. – Знаем, где ты себе пропитание берёшь. Из-за тебя сколько наших уж пострадало безвинно.

– Да каркала я на всех вас, попрошайки помойные!

– Это кто здесь попрошайки?! – возмутились и встрепенулись воробьи.

– Да и вы тоже! Целыми днями только и сидят у колодца, только и ждут, когда им дармовой хлеб крошат.

– А ну, тварь серая, сейчас пощипаю! – смело скакнул вперёд отчаянный воробей.

– Уж ты ли?! – засмеялась серая ворона.

– Мы ли! – ответили ей хором, и ещё пятеро дружно отделились из толпы.

– А! Толпою на одну?

– Убирайся, откуда прилетела. – Неожиданно молвил старый ворон, отличающийся необыкновенной мудростью. – Не может здоровое тело принять яд безвредно для себя. Так и ты, позорище нашего птичника. Но знай, что рано или поздно пострадаешь за свои дела.

– Кар, на вас! Кар, Кар!!! – И серая ворона полетела прочь.

– Неужь-то избавились, – с облегчением вздохнул кто-то из сизарей.

– Ну и тварь, – покачал головой кто-то, – как таких земля-то носит?

– Ладно, шут с нею, давайте лучше Варкушу послушаем, – прочирикал бросавший вызов вороне воробей.

Все в птичнике знали, что Сизарик мечтал стать почтовиком. До 1917 года все его предки были почтовиками. Но, как известно, почтовики имели белый окрас. После 1917 года у новой власти отпал интерес к почтовым голубям, а кто-то первый из них отправился на лёгкий заработок. Иными словами, бросил почтовое дело, а поселился поближе к дармовому хлебу, то есть к зернохранилищу. Разгневался Господь и наказал род сей. Отныне небыло уже никого в нём белого цвета, а все стали сизыми.

И тут вдруг Сизарик уродился с белой головой, да ещё с двумя белыми пятнышками на крыльях. Мудрый ворон как-то объяснил ему: «Не иначе, Господь смиловался над тобой». И с тех пор Сизарик мечтал восстановить в своём роду почтовую службу, но не знал только, как это сделать, ведь корни профессии были утрачены. Тогда-то он и решил научиться всему самостоятельно. Ему никто не поверил. И вот, первое известие от него.

– Гляди-ка, а наш почтальон весточку прислал! – гаркнул кто-то из толпы с довольной улыбкой. – Давай, Варкуша, говори!

В сообщении имелась всего одна просьба: «Помогите найти мопсов». И птичник задумался...

* * *

Время, как водится, лечит. Но одни болезни, вроде простуды, лечатся за день, за два; какие-то неделю. А бывают болезни и посерьёзнее, на лечение которых уходят месяцы. Впрочем, таковые, наверное, уже и болезнью-то не считаются, а человек попросту привыкает к своему новому состоянию. И всё же это болезни телесные. А сколько может пройти времени, чтобы вылечить болезнь безликарственную? Иными словами, болезнь, происходящую от томления духа. Неизвестно... И насколько опаснее может быть это состояние обыкновенного фичического недуга? Между тем, известны случаи самого печального конца, причиной которого как раз и было томление души.

* * *

Тогда, в конце 2000 года, Алексей уже обдумывал содержание своего электронного краеведческого проекта о фотографах. Время было тяжёлое, страна не совсем ещё оправилась от политическо-финансовой смуты 1998 года. В этих условиях он вложил денежки в производство, приобретя сканера для оцифровки плёнок.

И вот, семь часов утра и я уже сажусь за домашний компьютер. Большой город только ещё просыпается, он будет тянуться часа три, не мешьне. А я уже за работой. Нет мыслей? Тогда найдём дело рутинное, но так же необходимое, сканирование, например.

И кто это не спит вместе со мной? Кто это хочет участвовать во всех моих делах? Уже лето 2001 года. Уже пора думать о новом проекте. «Давай думать вместе», – слышу я. Наклоняю голову и вижу эти глаза. «Хозяин, а как же я? Давай думать вместе».

Я протягиваю руку, я подсаживаю за попку это хвостатое глазастое существо. Оно бодро карабкается, перебирая всеми лапками. На моих коленях заранее подложенный коврик. «Вот, мы улеглись, и теперь, хозяин, можешь продолжать сканировать или делать ещё что-нибудь на своём компьютере, а я немного похраплю, ещё немного похраплю, ну самую малость ещё похр...»

* * *

Знал ли Сизарик, перелетая с карнизов и подоконников, что время не имеет времени? Нет, не знал. Да и не нужно ему этого знать. Сегодня он видел Алексея, сканирующего свои краеведческие материалы о памятниках архитектуры древнего города Муром; сканирующего с маленьким щеночком на коленях. Это Джесси. Тут уж ничего не поделаешь – имя собаке даёт фактический заводчик. Но хозяин может дать новое имя и это справедливо. Джесси осталась Джесси, но стала просто Джесулькой. Время здесь ничего не смогло сделать. Шли месяцы, и вот уже два года позади. Давно уже повзрослевший мопс не может сканировать вместе с хозяином его краеведческие материалы, лёжа на коленях. Теперь он лежит просто в ногах. Но именно это важно. Он по-прежнему участвует во всех делах хозяина, пускай даже во сне. Главное, рядом. Так вот, повзрослев, мопс не стал Джессей, а по-прежнему остался Джесулькой. Он это знал и это для него было важно. Не знал только, почему. Об этом мог знать только один человек. Он – хозяин. Но если бы знал мопс, то неизвестно ещё, полезно ли было это знание для него. И всё же мы скажем, назовём причину. Глаза. Джесуля осталась Джесулей за свои глаза. И Сизарик, наблюдая за происходящим в неизвестной пока для него комнате, впервые увидел эти глаза и согласился в душе со всем, что знал об этом до этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.